
НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ

Д.В. Бойко

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СТРАХА

Аннотация. В статье осуществляется анализ феномена страха с точки зрения многогранности его обнаружения. Предметом исследования является чувство страха, которое рассматривается в качестве экзистенциала, глубинного эмоционального переживания человека. Объектом исследования служат такие проявления страха, как экзистенциальная тревога, священный трепет, зачарованность страхом, а также страх как ужас перед небытием. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как генезис страха, роль в жизни человека чувства священного трепета, парадоксального манящего страха. Особое внимание уделяется мысли, что страх является не только губительным и отторгающим чувством, но также выступает в качестве очищающего и облагораживающего экзистенциального переживания.

В качестве методологии исследования автор использует герменевтический анализ различных текстов: экзистенциальной, религиозной и социальной философии, а также литературных произведений.

Основными выводами проведённого исследования являются: страх как экзистенциальное переживание имеет множество ликов, исследование данного чувства позволяет глубже и полнее понять человека, страх оказывается тем чувством, которое помогает раскрыть природу человека. Особым вкладом автора в исследование темы является рассмотрение страха в качестве божественного чувства трепета, а также рассмотрение симптомов парадоксального желания испытывать страх. Новизна исследования заключается в попытке показать, что чувство страха неприятно, но в своей основе неизбежно, а вместе с тем привлекает человека и помогает ему достичь трансцендентного начала мира.

Ключевые слова: творчество, человеческая природа, очарованность страхом, божественное, ужас, священный трепет, экзистенциальная тревога, страх, трансцендентное, бытие и небытие.

Abstract. In his article Boiko analyzes the phenomenon of fear from the point of view of its complex displays. The subject of the research is the feeling of fear which is being viewed as the existential or deep emotional experience of human. The object of the research is such displays of fear as the existential anxiety, awe, enchantment by fear as well as horror of existence. The author examines such aspects of the topic as the genesis of fear and the role of awe and paradoxically inviting fear in human's life. Special attention is paid to the idea that fear can be seen not only as a disastrous and repelling feeling but also as a purifying existential experience. The research methodology used by the author includes the hermeneutical analysis of different texts on existential, religious and social philosophy as well as literary works. The main conclusions of the research are the following: being an existential experience, fear can be displayed in many forms. Analysis of the phenomenon of fear allows to get a better understanding of human nature. The author's special contribution to the topic is the analysis of fear as a divine awe as well as the paradoxical desire of fear. The novelty of the research is caused by the fact that the author tries to show that even though fear is an unpleasant feeling, it is also an inescapable feeling which attracts an individual and helps him to understand the transcendental beginning of the world.

Key words: transcendence, fear, existential anxiety, awe, horror, divine, enchanted by fear, human nature, creativity, existence and nonexistence.

Феномен страха имеет древние корни, это чувство является глубоко архаичным в своей основе, при этом оно неизбежно и захватывает всё естество человека, оно обнажает его природу. Несмотря на многовековое развитие человечества, смену культур и ценностей, изменение социального устройства и возникновение науки и техники, чувство страха сопровождает жизнь человека. С этой точки зрения, феномен страха вызывает интерес, что даёт нам основание глубже погрузиться

в тему, чтобы попытаться выявить особенности существующего феномена.

Проявление чувства страха удивляет своим разнообразием. Страх может выступать в качестве реакции на опасность в виде испуга, в другом случае как томительная тревога, иной раз как очарованность смертью. Это чувство многогранно, чаще всего неприятно и вызывает отторжение. Возможно ли как-то укрыться от страха? Конечно, существует масса техник и способов работы со страхом. Но в своих наиболее полных, глубинных, экзистен-

циальных проявлениях страх неизбежен, от его манифестаций не скрыться, скорее наоборот, человек сам тяготеет к тому, чтобы создавать всё более изощрённые картины ужаса. Человек бежит от страха и одновременно ищет, требует его наличие.

Такое множество и разнообразие проявлений данного нам чувства нуждается в определённой нюансировке. Каждое состояние уникально по своему, имеет особую причину. Что может являться источником того или иного способа проявления этого всезаполняющего чувства?

Страх, творчество, наука и культура

Проблема генезиса страха берёт своё начало в работах датского философа С. Кьеркегора. В его концепции осуществляется создание собственной классификации людей. Несмотря на общую условность учения, проводится попытка описания восхождения человека к духовности. Ступенями для этого движения являются три типа людей: человек эстетический, человек этический и человек религиозный. Ввиду того, что С. Кьеркегор религиозный мыслитель, то полнота личности, обретается человеком только в его восхождении к Богу. Именно переход от обыденности и жизни на уровне получения удовольствия к религиозному, духовному сознанию, рождает в человеке особое чувство тревоги.

Страх становится расплатой за отступление от жизни исключительно в рамках инстинктов и последующее приобретение свободы. «Страх – это головокружение свободы» [5, с. 81]. Когда человек обретает свободу, по сути дела, он расплачивается за неё тревогой. Оказавшись перед проблемой постоянного выбора, человек живёт на развилке, в состоянии разлома. В этой рассогласованности прослеживается отделение инстинктивного, животного или имманентного страха, от духовного состояния, страха перед трансцендентным началом мира. Тогда возникает разделение на страх причинный, и страх беспричинный, который мы называем трепетом.

Человек свободен и это выражает его природу. По Н. Бердяеву, свобода – это развилка между Ничто и Богом. Человек оказался в колоссальном духовном напряжении. Он должен действовать свободно, но никто ему не подсказывает, как же именно нужно поступить. Человек несёт ответственность за свои поступки перед Богом. В минуты выбора человеку остаётся только вопрошать, посылать молитву Богу и продолжать жить по Его законам. Но Всевышний не отвечает, и в этом есть смысл – человек должен сам решать, как поступить, что нужно сделать. Именно в этот момент рождается тревога.

Человек, который является конформистом, рабом своих желаний – несвободен. Если человек свободен, то в нём выражается человеческая природа в большей степени. «Внешняя, отрицательная, рабья свобода всегда со страхом косится на свободу соседа и занята разграничением враждующих свобод соседей. Положительная, зрелая, творческая свобода не может иметь этих вечных страхов и не может так интересоваться этими размежеваниями, ибо связана с органическим строем космоса» [2, с. 356]. Свобода возвышает, в то время как животный страх принижает человека. Если человек поражён таким низменным страхом, то это уже не выражение всечеловеческого, а погружение в животное состояние.

Н. Бердяев указывает, что страх животный извращает человеческое: «Панический страх гибели унижает человека и, в конце концов, становится безнравственным и нерелигиозным по своим мотивам. Страх этот неблагороден и некрасив» [2, с. 327]. По мысли философа, в творческом акте такой страх преодолевается. Чем больше творчества в самой жизни, тем больше страха, потому что тем больше человеческого. В свободе человек становится зависим от страха, но он его же и преодолевает, трансформируя страх животный в страх духовный.

Если рассматривать творчество как некоторое общение с трансцендентным началом мира, то можно проследить, как страх, с одной стороны, является импульсом к действию, а, с другой стороны, творческий процесс овеществляет в материальном мире то, что в сути своей невыразимо. Человек переживает осознание собственной конечности, которая всегда внезапна. Мысль о том, что придётся уйти из жизни, может быть даже насильно, заставляет человека потерять своё естество, свою божественную суть. Но в поиске возможности преодолеть такой страх, избыть его, человек приходит к тому, что метафорически продолжить собственное существование возможно лишь в творчестве. Создание произведения искусства увековечивает имя человека, появляется возможность продолжать жить, хотя бы в умах и сердцах людей.

С другой стороны, возвращаясь к С. Кьеркегору, человек творческий испытывает наиболее сильный трансцендентный страх, т.к. перед ним открывается свобода. Переход от унижительного страха к чувству благостного трепета может быть едва заметен, зачастую такая трансформация происходит мгновенно. В акте творчества человек преодолевает страх, но и продолжает испытывать тревогу. И уже здесь мы подходим к мысли, что чем более страх, тем значительнее

человек. Для того чтобы прочувствовать это состояние, вынести его воздействие, но при этом остаться мыслящим и свободным существом, нужна огромная сила духа. Не испугаться собственного конца, а впустить в себя чувство экзистенциального страха, для того чтобы вознестись над собой прежним. Таков удел думающего, чувствующего и творящего человека.

Нельзя утверждать, что существует такой страх, который впоследствии устраняется творческим актом. Страх не уходит, он сублимируется. Защитный механизм психики является средством, которое этот страх в определённой степени гасит, ступенькает. Но глубинный страх в свой сути продолжает жить в человеке. Таким образом, в акте творчества страх с одной стороны преодолевается, а с другой стороны погружает человека в бездну. Такое проявление человека можно усмотреть в создании шедевров живописи, в которых выражается и сублимируется страх – «Девятый вал» И. Айвазовского, «Крик» Э. Мунка или «Лицо войны» С. Дали...

Если говорить об эстетике, то категория возвышенного это и есть избытие страха. Человек наблюдает те явления природы, рядом с которыми он ощущает собственное ничтожество, когда человек видит картину вздымающегося океана, или когда он наблюдает извержение вулкана, эти мощные явления природы недоступны для человеческого существа. Огромный страх перед могуществом природы создаёт ощущение, что человек это какое-то маленькое создание, жертва внешнего агрессивного мира, ему нет спасения перед лицом природных явлений.

Может быть, ещё раньше С. Кьеркегора, описание страха перед трансцендентным началом мира мы можем найти у Б. Паскаля. Философ живёт в революционное время, человечество делает эпохальное открытие: Земля, которая раньше считалась центром мироздания и всей вселенной, на самом деле рядовая планета, которая затерялась в бесконечном космосе. Конечно же, это вызвало в душе философа невероятные по силе переживания страха и ужаса. В момент осознания возникшей ситуации, человек не в состоянии вынести всю мощь обрушившегося на него знания. Как же так? Человек думал, что находится в центре всего созданного Богом, что земля покоится в центре космоса, и в один миг это всё обрушивается. Как уложить в своём сознании, что человек – это всего лишь песчинка, атом в бесконечном пространстве? Какова цена научного открытия такого масштаба?

Особой формой творческой деятельности мы можем назвать процесс познания человеком окружающей действительности, научная деятельность

в своей основе является творческим актом. В определённом смысле познание продиктовано страхом.

В общем виде кажется, что познавательная деятельность человека есть следствие его природной любознательности. В варианте европейском эта любознательность трансформировалась в жгучие поиски истины, возникла установка, которая гласит, что у природы нужно вырвать, отнять истину. Выглядит это скорее как воинственный поход на мироздание с полным осознанием своей силы и могущества. Но, исходя из размышлений О. Шпенглера, наполнение мира значениями есть реакция человека на глубинный страх. И тогда познание становится тщетной попыткой не вырвать что-то у мира, а наоборот, наполнить его собственным смыслом.

Предположим, что акт познания порождён страхом перед окружающим миром. Возникает вопрос: каково было состояние первобытного человека, как он себя ощущал? Согласно классической европейской традиции, человек был напуган явлениями природы, что привело к их обожествлению. Ударяет молния и возникает огонь, пожирающий всё на своём пути. Или внезапный, сокрушительный ураган обрушивается на жилище. Первобытный человек жил в страхе. Такой подход позволил религиоведам предложить очень поверхностную и на наш взгляд неоправданную мысль, что религия произошла из страха. Познание превращается в убежание от страха, а на каком-то этапе способом его преодоления. Человек создаёт картину мира, пытается что-то понять, прояснить, сконструировать реальность только потому, что без этой оболочки жить попросту невозможно. Но на этот счёт есть и другие взгляды.

«Древний человек скорее проявил себя как искатель смысла, творец видений, нежели как homo faber. Американский культуролог Теодор Роззак утверждает: до наступления палеолитической эры господствовала другая – палеотаумическая (от двух греческих слов – «древний» и «достойный удивления»). Ещё не было никаких орудий труда, но уже была магия. Мистические песнопения и танцы составляли сущность человеческой природы и определяли его предназначение ещё до того, как первый булыжник был обтесан для топора.

Вот контуры этой древней жизни: сначала мистические видения, потом орудия, священный огонь для приготовления пищи, поклонение звездам ещё до того, как появился календарь. Одним словом, молитвенно-восторженное восприятие жизни в противовес одностороннему практицизму палеолитической эры» [4]. Архаический человек, создатель первобытной культуры, скорее был зачарован

мерцанием огня или проблеском молнии. Это уже не страх, а поклонение природе. Человек начал познавать потому, что в какой-то момент он осознал существование этого невероятного, огромного, недостижимого природного Мира.

Но в процессе познания стали возникать всё новые и новые открытия, стали появляться знания, которые может быть лучше было бы и не получать вовсе. Возьмём частный пример. Почему человека останавливают близкие, когда он решил пойти к психотерапевту, чтобы решить свои проблемы? Общение с врачом душ может открыть такие пласты психики человека, показать ему такие особенности его жизни, что пережить это будет невероятно трудно. Человек не хочет такой правды, такой истины, ему страшно посмотреть на самого себя. Это же мы можем сказать применительно к человечеству. Само познание есть общение со страхом, это тяга к страху, какая-то глубинная потребность человека: отважиться на то, что может быть, и не надо знать.

Научные открытия сегодня вышли далеко за пределы того, что способен осмыслить рядовой человек. Возникает страх перед наукой, как источником угрозы и непоправимых последствий. Эксперименты в Большом адронном коллайдере, создание новых видов растений и животных при помощи генной инженерии, поиск новых источников энергии, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление и т.д. Научное познание, конечно же, вывело жизнь человека на новый уровень, создало определённый уровень комфорта, изменило нашу жизнь. Но нет ли здесь опасности уничтожения жизни на Земле? Факт создания ядерного оружия, способного стереть с лица Земли всё живое, рождает глубинный страх в человеке.

Трепет – особое состояние религиозного страха

Возникновение и развитие научного знания, как особой формы жизнедеятельности человека, привело к ещё одному следствию. Тотальное изучение окружающего мира силами учёных, выявление всевозможных законов природы, развитие техники, поиск закономерностей и выявление причинно-следственных связей привело к тому, что мир вокруг нас практически потерял одно из важнейших своих измерений. Научное разыскание привело к тому, что происходящее вокруг нас перестало быть загадочным, непостижимым, потеряло своё очарование, если угодно – волшебство, магию, священное.

Вместе с первыми научными открытиями, постепенно, стало возникать новое мировоззре-

ние – научное, произошла десакрализация мира. Мысль М. Хайдеггера: зарастает метафизическая тропа. Это тропа, ведущая к Богу. Люди другой эпохи жили, обнаруживая чудо на каждом шагу. Мир был наполнен всевозможными невидимыми созданиями, духами и энергиями, всё было пронизано божественной силой и волей. Сейчас же наука в состоянии объяснять практически все явления вокруг нас и стало казаться, что мир устроен как-то пресновато, всё просто и понятно, чудес не бывает.

Но не вытеснило ли научное знание нечто важное для человека? Можем быть, мы утрачиваем особую область душевного мира. Тяга человека к божественному, священному началу мироздания, имеет глубочайшие корни. Ни одно племя, ни один народ на земле не обходились без религии. И только в наше время всё больше и больше людей становятся атеистами, которые уверены в том, что никакого божественного измерения бытия нет.

Но в глубине души человека продолжает возникать чувство трепета, состояния особого, почти исчезнувшего из нашей практики. Мы так свято верим в науку, что трепет утрачен. Но само чувство трепета перед Богом есть приобретение, которое нельзя сравнить ни с чем другим. Человек приобретает веру, особое трансцендентное чувство, и это обогащает человека, делает его более здоровым и сильным, а не нахалёнком, который возомнил, что он сам Бог. Ощущение божественного начала мира, священный трепет, всепоглощающее чувство причастности к самым высоким уровням бытия преобразует человека, делает его интересным. Разволшебствование мира есть большая утрата для человечества.

В любой сфере жизни мы можем наблюдать, как отношение людей с разными установками к одним и тем же вопросам видоизменяют их жизнь. Чувство трепета поддерживается культурой. Возьмём в качестве примера процесс зачатия. Этот акт, по своей сути божественный, будет святым, только в том случае, если два человека наполнены чувством любви друг к другу. Что можно сказать об искусственном оплодотворении, когда процесс зачатия нового человека, мыслящего существа, наделённого особыми качествами, происходит в пробирке? Сегодня наука способна осуществить зачатие ребёнка с теми внешними признаками, которые угодны родителям. Происходит чудовищное в своей сути конструирование человека.

Или обратимся к акту интимной близости. Мы можем рассматривать связь двух людей как нечто божественное, взаимное чувство любви создаёт непередаваемые ощущения. Два человека наполнены священным трепетом друг к другу и вопло-

щают в себе божественную любовь. Но, с другой стороны, что мы видим в нашей повседневной жизни? Связь двух людей давно потеряла свою интимность. Половой акт рассматривается как инстинкт, серия механических движений, «секс полезен для здоровья» – слышим сегодня мы. Но действительно ли это полезно, если с сексом всё нормально, а любви нет? Психоаналитический опыт показывает, что это не так. Сексуальная революция привела к тотальной асексуальности. Это уже лишение того самого сакрального элемента бытия. Отсутствие осознания того, что человек живёт в двух мирах – имманентном и трансцендентном приводит к печальным последствиям.

В этой развилке между мирами кроется особая модальность страха – священный трепет. Имманентное и трансцендентное не разъединены, скорее наоборот, два начала мира переплетены между собой, а человеку приходится постоянно делать выбор. Мать относится к ребёнку с особым, материнским трепетом. Это божественное чувство. Но из газетных вырезок мы знаем, что она же может плаксивому ребёнку подлить в молоко алкоголь и убить его. Или дочь взяла урну с прахом матери, зашла в бар и забыла её там.

Можно относиться к земной жизни с божественным трепетом, как это было завещано. Несмотря на то, что Бог далеко, а мы находимся здесь в земной жизни, мы способны чувствовать его присутствие. Усилие внутреннего желания приблизиться к Всевышнему даёт возможность почувствовать, каково это – быть в Боге. Мы созданы по образу и подобию жизни Бога. Есть два мира у человека: один земной или животный, а другой небесный или божественный. Человек создан быть сознательным и нравственным. Многим знакомо чувство трепета, которое незнакомо животным. Священное чувство, религиозное, присуще только человеку.

Конечно, мы можем его отвергать, что с успехом и делается. Однако до сих пор ни одна научная теория не может объяснить происхождение человека. Часто ли мы задумываемся, почему со мной случилось то или иное событие? Может быть, есть какое-то провидение, воздаяние? Два мира не разделены. И человеку приходится выбирать между ними. Мы можем здесь жить по скотским законам. Удовлетворять инстинкты и получать удовольствие. А можно жить по законам божественным, и это ваш выбор.

Но приобщение к божественному миру сопровождается сопротивлением и страхом. Зачем мне вообще это нужно? Давайте жить проще? Зачем трепетать? Есть обычная земная жизнь, давайте

же жить как все. Не задумываться, не принимать решений, не оценивать свои поступки. А если начать жить, соглашаясь с заветами Бога, то придётся изменить себя, жить в постоянном состоянии чувства тревожности. Правильно ли я поступил? Как принять верное решение, соглашаясь не с зовом плоти, а законами Бога?

Трепет, диалог с Богом не может быть утратой, это приобретение. Освоение тех форм бытия, которые недостижимы в обычной земной жизни. Причинный страх относится к сфере имманентного и всегда связан либо с каким-то ущербом, либо с потерей для человека. Страх-испуг всегда возникает в связи с возможным событием утраты чего-либо. В свою очередь трепет относится к уровню трансцендентного и возникает в связи с возможностью приобретения частички священного из мира духа. И если человек боится потерять благосостояние, то чувство трепета его охватывает перед лицом божественного, в тот момент, когда осуществляется возможность получить опыт, который будет принадлежать только ему лично. Обозначается своего рода парадокс: причинный страх возникает из-за утраты, а трепет, беспричинная тревога, возникает вследствие приобретения опыта божественного начала мира.

Нельзя испытать трансцендентные состояния в собственной душе, не соглашаясь с разного рода опасениями и страхами. Приближение к священным областям жизни человека вызывают внутреннее опасливое чувство страха и трепета перед Создателем, высшим существом. Ищущий духовности человек боится собственного «рождения» уже в другом, особом качестве. Он становится способным обрести и почувствовать невиданные доселе области человеческой жизни. И тогда трепет – это страх духовной трансформации.

Если брать во внимание амбивалентность чувств человека, то желание избежать страх или трепет должно поддерживаться противоположным желанием достичь этого состояния. При этом желание страха в современной культуре удовлетворяется в полной мере, существует целая индустрия всякого рода фильмов, сериалов, книг, выставок и т.д., основанных на чувстве страха. Человек играет с фобиями и страхами, культивирует их, создаёт всё более и более изощрённые способы погружения себя в это чувство.

Но нельзя ставить в один ряд фобию и переживание чувства трепета перед божественным началом мира. Фобия или просто чувство боязни возникает на уровне инстинкта или рефлекса. Человек не может не среагировать на опасность, это заложено в его природной программе. В противополож-

ность этому, чувство экзистенциального трепета дано человеку как особая возможность выразить собственную природу, познать себя в страхе. Здесь мы видим важный водораздел: нельзя генетически запрограммировать человека на переживание чувства трепета перед божественным или ужаса перед бытием и небытием. Это экзистенциальное чувство дано ему как особое свойство.

Трепет – это особое духовное состояние, это один из способов трансформации человеческой души, её преобразования и вознесения. Человек в духовных поисках ищет это возвышенное чувство, и тогда страх манит и чарует, потому что он даёт возможность пережить вершинное состояние человеческого духа. В минуты звенящего ужаса человек может почувствовать себя человеком в полной мере, на миг стать не просто думающим животным, а созданием, способным выйти за собственные пределы. И в этом кроется парадоксальность: обострённое и неприятное, вводящее в состояние «остекленения» психики, вызывающее ступор и остоленение, чувство трепета даёт возможность человеку осознать себя как существо божественного происхождения.

Манки страха

Почему страх манит, чарует? Это происходит по самым разным причинам. Начиная с бессознательного желания умереть, раствориться и не быть, заканчивая практически неуловимым, томящим внутренним чувством чего-то запредельного, всевышнего, недостижимого, желанием прикоснуться или приподняться до уровня трансцендентного начала мира. «Страх – это желание того, чего страшатся, это симпатическая антипатия; страх – это чуждая сила, которая захватывает индивида, и всё же он не может освободиться от неё, – да и не хочет, ибо человек страшится, но страшится он того, чего желает» [5, с. 202]. Человек погружается в страх, он любит его, хоть и боится.

Страх парадоксальным образом чарует. Страх страшен и привлекателен одновременно. Ф. Ницше так выразил данный парадокс: «Попробуй подолгу смотреть в пропасть, и она заглянет тебе в глаза» [7, с. 408]. Разве может пропасть заглянуть человеку в глаза? Но те, кто действительно стояли на «обрыве» жизни, хорошо могут понять философа. Пропасть начинает манить человека в ответ на попытку взглянуть в неё, бездна начинает искушать самой своей сутью, которая есть мгновенное избавление. Она как бы говорит человеку: бросайся сюда! Не быть – избавление от всех тягостей жизни. Страх так очарователен, так пленителен

и так приятен. Гипноз пропасти метафоричен, но это описание внутреннего мира человека, который разрывается изнутри противоречивыми силами, живущими в его душе.

Ещё дальше в развитии темы идёт Ж.-П. Сартр: страх перед пропастью это страх перед самим собой, потому что в возникшей ситуации я уже не могу отвечать за свои поступки и действия, хотя должен это делать. Ведь вокруг происходят события, которые не зависят от моей воли в полной мере. Дуновение ветра, палка под ногой или осыпавшаяся горная порода – всё наделяет мою жизнь возможностью небытия. Возникает парадоксальная ситуация, мне нужно сделать выбор: действовать аккуратно и осторожно, или со всех ног бежать вперёд, не глядя на дорогу. А может быть, броситься вниз?.. Мне нужно самому осуществить какую-то конкретную возможность. Но т.к. это всё возможно только в будущем, а решение я принимаю сейчас, то на данный момент я только решаю, что буду делать, но не являюсь своим будущим. Здесь возникает небытие, разрыв. Посредством тревоги я двигаюсь к осуществлению самого себя, тревога – это чувство, которое человек предъявляет себе, т.к. он сам выбирает способ своего бытия или небытия.

Возникает странная и непостижимая раздвоенность между страхом как страхом самим по себе и зачарованностью этим страхом, как чем-то манящим и завлекающим. Возможна парадоксальная ситуация: иду навстречу страху. Какова его изнанка? Так интересно и необъяснимо желаемо прикоснуться к этому состоянию, которое отчасти знакомо, но полной чашей ещё не испито, и ведь в этом есть странная приятность... Мы наблюдаем в самом страхе – бесстрашие, а в бесстрашии – страх. Человек привык прятаться, бежать от страха, но можно и бежать навстречу этому сокрушительному чувству. В самой структуре языка мы имеем такие выражения как: сладкий страх, удивительный страх, робкий страх. Это всё – разные проявления, как отвержения, так и притягательности страха, который рассматривается в качестве выразителя противоречивой человеческой природы, в качестве ответа на восклицание: как сложно устроен человек!

Психика человека содержит такие механизмы, которые движут человечеством на протяжении тысячелетий, неустанно трансформируясь, изменяя свой внешний облик, но оставаясь при этом неизменными в своей сути. Отношение человека к страху и всему ужасающему столь однозначно и очевидно в первом приближении, сколь парадоксально и удивительно при детальном рас-

смотрении и непредвзятом отношении к заданной проблеме. Зачарованность и даже некоторое гипнотическое состояние по причине оцепеняющего страха являются неотъемлемой частью психической жизни человека.

Каким-то недостижимым образом, человека привлекает всё пугающее, смертоносное. Возникает непреодолимое желание ощутить всю полноту пьянящего ужаса. Такое влечение было ухвачено и описано задолго до трудов современных авторов гением А.С. Пушкина в одной из работ из цикла маленьких трагедий – речь идёт о «Пире во время чумы». Трагедии бы не получилось, если бы автор просто описал поглощённый чумой город. Жители веселятся, но не прислушиваются к осуждениям священника. Наоборот, страх смерти завладел душами этих людей, они прогоняют незваного гостя и продолжают пировать.

Ужасающие картины смерти и разрушения, эсхатологические сюжеты, всевозможные реальные и галлюцинаторные образы, вызывающие «приятный» холодок во всём теле. Опасность страшит, умирать – страшно. Но что таит в себе страх смерти? Гений Пушкина угадывает: быть может, в наслаждении предчувствия конца существования заложено ощущение вечной жизни и бессмертия. Сознание не принимает мысль о том, что земное бытие обрывается смертью и заканчивается здесь же, в нашем бренном мире. Упоение всепоглощающим страхом становится последним взрывом жизни. Может быть, гимн Чуме в своей сути – гимн завершающейся, но полной и упоительной жизни?.. Парадоксальное воспевание и восхваление всепоглощающего духа смерти и разрушения показывает нам противоречивую, сложную природу человеческого существа. Страх смерти это одновременно страх конца жизни и трепетание перед неизвестным, загробным миром. А есть ли он?.. Ничего не остаётся, кроме как верить и уповать на Господа.

Несколько последних столетий показали, что в литературе, театре и кинематографе отдельным направлением являются те жанры, где устрашение является главной задачей: всевозможные готические романы, триллеры, ужастики, детективы. Человеку требуется в деталях предоставить все тонкости и оттенки состояний страха. Огромная доля массовой культуры буквально обслуживает фантазию человека [3].

Наиболее полную разработку проблематики агрессивного и разрушительного поведения человека мы находим в работе Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности». В самой природе человека заложено движение к смерти, уничтожению, разрушению. Конечно, тяга к смерти высту-

пает параллельно с тягой к жизни. Но абсолютно каждый человек в той или иной степени подвержен влиянию как одной, так и другой силы, здесь нет исключений. Жизнерадостный с виду, подтянутый, полный энергии и витальных сил человек содержит внутри себя импульсы, наличие которых трудно даже вообразить. Спрятанные и затаённые в бессознательных слоях психики, деструктивные черты личности, время от времени дают о себе знать, зачастую в самых острых формах. Широко известны примеры, когда с виду спокойные и дружелюбные люди в один момент превращаются в хладнокровных убийц и совершают расправу над коллегами. Беспеременно мы слышим сообщения с телеэкранов, о том, что в школе ученик устроил стрельбу из-за плохих оценок или издевательств своих сверстников. С другой стороны, даже психически нездоровые серийные убийцы могут проявлять странную для них любовь к животным и к самой жизни, как таковой.

Тяга к смерти, непреодолимое желание деструктивного в предельном выражении приводит к образованию особого человека – носителя некрофильского характера. Постоянные позывы к насилию, жестокости и смерти главенствует в таких людях, всё их существо в той или иной форме воспроизводит постоянное уничтожение. Это может быть особого рода лексика, интерес ко всему «мёртвому» (к примеру, обожествление техники), садистические наклонности. Сама структура психики чудовищным образом видоизменяется, и вся направленность человеческой жизни приобретает ужасающий вектор. Если говорить о самых страшных примерах таких индивидуальностей, то на ум тут же приходят Гитлер, Сталин, Пол Пот...

Естественно, желание смерти неразрывно связано с ужасом и страхом, что создаёт парадоксальное образование внутри психики человека. «Свой ужас перед гниением (которое столь глубоко запретно во мне, что я представляю его себе с помощью воображения, а не памяти) я сравнил бы с чувством непристойности. Можно сказать, что отвращение, ужас лежат в основе моего желания, поскольку его предмет разверзает во мне столь же глубокую пустоту, как смерть, и именно потому вызывает это желание, изначально созданное из своей противоположности, то есть ужаса» [1, с. 503]. Отвращение и ужас становятся условием возникновения *настоящего* желания, только острые и граничащие с безумием образы могут привести в движение внутренние механизмы возбуждения.

В противоположность животному, человек обладает парадоксальной, противоречивой, неоднозначной и подчас внерациональной природой.

Обладая разумом, стремлением к нравственности, обладая различными добродетелями, человек одновременно с этим, каким-то непостижимым образом, становится главным убийцей на планете. Ни одно животное не убивает бесцельно, ради забавы, на такие деяния способен только человек.

Как он странно устроен. Его привлекает цветение жизни, буйство красок природы, жизнь во всей её безграничной красоте и необъятности. Но одновременно с этим его манит и тащит к себе всё, что таит разложение, гниение, тлетворность и смерть. Сгустки чувств и влечений зачастую неразличимы, желания смешиваются и превращаются во всезаполняющее, всепроникающее чувство. Но как такое возможно? Почему возникает ситуация, когда человек фактически впадает в неистовство, одержимость, возникает непреодолимая страсть к страху? Желание страха есть форма выражения амбивалентной природы чувств и самого существования человека.

Рассматриваемая проблема в своей основе экзистенциальна. Если про животный или растительный мир, мы можем сказать, что они *существуют*, то подлинно человеческим свойством мы назовём *экзистирование*. Проживание сильнейших, уникальных, индивидуальных эмоциональных состояний, преодоление себя, усилие и превозможение создают человека. Знаменитое высказывание М. Мамардашвили: «Человек есть усилие быть человеком».

В нашем случае мы можем говорить о том, что подлинно человеческое бытие в одном из вариантов может быть раскрыто в непосредственной близости, в прикосновении к бездне, к пучине, обрыву жизни. Выдвинутость человеческого бытия в Ничто, по М. Хайдеггеру, создаёт возможность почувствовать собственно бытийность, как таковую. Только осознание конечности собственной жизни, предельное напряжение, неотвратимость исхода каждого человека, могут создать условия для постижения человеком самого себя.

Одновременно с этим мы можем говорить об особенностях таких состояний. Почти каждому известно чувство оцепенелого покоя, когда невозможно ни двинуться, ни шевельнуться. При этом такое состояние относится к физической возможности организма, если речь идёт о видимом страхе. Но уникальность человека заключается в том, что точно также мы можем сказать о психическом мире: в состоянии всепроникающего ужаса исключается возможность «двигаться» даже мыслью, происходит тотальное и всеобъемлющее оцепенение психики. Страх – это не отдельное чувство, а совокупное искажение всего эмоционального мира

человека. Психика как бы трансформируется, приобретает особого рода форму и модальность, человек преобразуется в собственном бытии. Мгновенно возникает осознание конечности жизни, а вместе с тем происходит расширение горизонта человеческого бытия. Вспышка ужаса озаряет прошлое и показывает всю хрупкость жизни.

Страх можно назвать сильнейшим из аффектов. Вспышка коварного чувства затуманивает рассудок, человек теряет свою природу. Но с другой стороны, существует трансцендентное чувство трепета, которое заставляет человека вершить своё собственное бытие и судьбы всего мира. В состоянии всецелого поглощения глубочайшим чувством страха, человек способен не просто скрыться от опасности, но и рвануть навстречу страху, совершить отчаянный и губительный прыжок веры, способный изменить всё его существование, осуществить жизнь во всей её полноте и многогранности, раскрыть заложенный в нём потенциал и осуществить собственное бытие.

Ужасом приоткрывается Ничто

Что это значит – осуществить собственное бытие? В экзистенциальной традиции бытие перестаёт быть бытием самим по себе, а возникает исключительно как бытие человека. М. Хайдеггер исследует это данное нам бытие при помощи постановки метафизического вопроса: почему есть сущее, а не наоборот, Ничто? Если человек поворачивается лицом к наличествующему миру, обращает себя к бытию, то еле заметное движение жизни вокруг, даже при полном покое, показывает, как это самое бытие рождается из проседания, *отшатывания* и отворачивания вещей в бытии, в виду того что все они появились и уйдут обратно в Ничто. Человека настигает ужас бытия, в тот момент, когда он вдруг ощущает, что за всем этим стоит небытие, которое есть в той же мере, в какой его не может быть. Возникает глубинное чувство, которое тоже будет проявлением беспричинного страха, но М. Хайдеггер использует другое слово для его обозначения – ужас.

Человек боится не просто неизвестности, человек ужасается самой возможности неизвестности, возможности небытия. В одно мгновение такая привычная и *моя жизнь* опрокидывается во что-то совершенно недостижимое, этому нет ни имени, ни названия. В обычном течении жизни причины для возникновения ужаса нет места, но её и не должно быть, потому что причину эту условно можно назвать Ничто. Каждый человек это понимает, у него есть осознание конечности собственного существования. Каждый с этим стал-

квивался. Но в момент, когда мы подходим к небытию, свобода никуда не теряется. Свобода выбора собственного небытия рождает ужас перед Ничто. «Без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы» [9, с. 35].

Ничто – это тонущее сущее. Ничто заслонено от нас, ввиду того, что в определённом смысле мы *утонули* в сущем. Факт возможности отрицания говорит о постоянной, но потаённой открытости Ничто. «Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто» [9, с. 35]. Каждый конкретный момент времени мы находимся в состоянии проживания, в состоянии осуществления собственной жизни, но это становится возможным лишь по той причине, что одновременно с этим мы осуществляем собственное умирание, растрчиваем свою жизнь и тем самым прикасаемся к Ничто. Но при этом небытие скрывается за нашим постоянным взаимодействием с существующей действительностью, за нашим увязанием в сущем.

«Сплошная пронизанность нашего бытия ничтожащим поведением – свидетельство постоянной и, разумеется, затененной распахнутости Ничто, в своей исходности раскрываемого только ужасом. Но именно благодаря этому постоянно скрытому присутствию исходный ужас в нашем бытии большей частью подавлен. Ужас – с нами. Он только спит. Его сквозное дыхание веет в нашем бытии – меньше всего в склонном «ужасаться»; не приметно – в деловитом с его «да-да», «нет-нет»; раньше всего в затаенном; уверенней всего в потрясенном и дерзновенном человеческом бытии. А последнее осуществляется только через то, на что себя растрчивает, чтобы сохранить таким образом свое последнее величие» [9, с. 37].

Человек находится в своеобразном капкане бытия и небытия. Мы обязаны осуществлять свою жизнь, выдерживать все испытания судьбы, постоянно прикасаясь к Ничто, но всё время упуская этот факт из виду. Счастье преодоления возможно только при наличии чего-то, что мешает, является барьером, выступает как условие возможности наличия Ничто в качестве противовеса положенному бытию, этому самому существующему *чему-то*. Но преодолевая жизнь, вступая в схватку с ничтожащим проявлением бытия, мы парадоксальным образом становимся частью небытия. Впуская в своё сознание факт конечности жизни, мы встаём на место Ничто. «Выдвинутость нашего бытия в ничто на почве потаенного ужаса делает человека заместителем Ничто. Мы настолько конечны, что именно никак не можем собственным решением и собственной волей поставить себя перед лицом Ничто» [9, с. 38].

И тогда возникает ситуация, которая содержит в себе нужные условия для перехода человеческого существа в иное измерение. Прыжок веры, трансформация, трансгрессия, переход. «Выдвинутость нашего бытия в Ничто на почве потаенного ужаса есть перешагивание за сущее в целом: трансценденция» [9, с. 38]. В момент осознания, принятия и освоения факта наличия небытия самого по себе, человек способен познать, что такое есть осуществление собственного бытия. Жизнь человека приобретает особую модальность, перестаёт быть однобокой, перестаёт работать только как проявление витальности и жизни как таковой, а впускает в себя новые, неизвестные проявления. Осознание возможности смерти приводит к более глубокому осознанию жизни.

Человеческое существование есть скольжение по Ужасу. «Только потому, что в основании человеческого бытия приоткрывается Ничто, отчуждающая странность сущего способна захватить нас в полной мере. Только когда нас теснит отчуждающая странность сущего, оно пробуждает в нас и вызывает к себе удивление» [9, с. 41]. Человек получает возможность проникнуть в основания бытия, путём осознания собственной захваченности сущим, которое становится для него неприятным и отталкивающим.

Экзистенциальный опыт не имеет обобщения, он сугубо индивидуален. Трудно себе вообразить возможность прожить опыт смерти за другого человека, или передачу опыта всезаполняющей любви к близкому человеку. Точно также чувство экзистенциального страха, трепета перед Всевышним, ужаса перед Ничто достижимо исключительно в личном, индивидуальном опыте каждого отдельно взятого человека. Конечно, мы можем говорить о том, что возникают ситуации коллективных потрясений, будь то война или техногенная катастрофа. Но, несмотря на всю схожесть ситуации, каждое отдельное переживание является уникальным в своей сути, неповторимым и принадлежит исключительно каждому человеку в отдельности.

Определить, что есть *страх* трудно, практически невозможно. Это происходит по причине того, что это ощущение постоянно ускользает от нас. Но здесь есть место особой возможности: страх, как экзистенциальное переживание, как встреча с Ничто, может помочь нам выявить человеческую природу, которая является становящейся, осуществляющейся здесь и сейчас. «Ничто есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [9, с. 35].

Рассматриваемая проблема на наш взгляд является одной из важнейших в понимании природы

человека. Каким образом можно понять, выяснить, высмотреть, что есть человек? В проявлениях его внутреннего, подчас недостижимого, удивительного, противоречивого и парадоксального мира души. То, каким образом человек осуществляет самого себя, устанавливает своё бытие, соотносится с собственной возможностью к экзистированию. Чувство тревоги возникает не перед внешней опасностью, а перед самим собой, перед теми непредсказуемыми последствиями, которые таятся в каждом свободном решении.

Проходя путь духовного развития и становления, человек встречается с различными трудностями. На всём пути его сопровождает чувство страха, но для каждого оно проявляется по-разному. Че-

ловек может начать постигать мир под давлением и влиянием страха, а с другой стороны, освоение окружающей действительности берёт своё начало в акте созерцания этого непостижимого и завораживающего мира. Религиозный трепет, осознание повсеместного присутствия высшего существа, приподнимает человека в его переживаниях на недостижимую высоту, он преобразуется в своём приближении к Богу. А вместе с тем страх манит, чарует, завораживает, требует своего присутствия в жизни человека, что парадоксально в своей сути. Страх одновременно отталкивает и притягивает к себе. Все формы проявления экзистенциального чувства призваны помочь человеку достичь трансцендентной цели – осуществить собственное бытие.

Список литературы:

1. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с фр. Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.: ил.
2. Бердяев Н. Смысл творчества. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 414 с. (Философия. Психология)
3. Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2012. 607 с.
4. Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Наука, 1994. 453 с.
5. Кьеркегор С. Понятие страха / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический Проект, 2012. 217 с.
6. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 544 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.: ил. (Мыслители XX века)
9. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Биbihина. 2-е изд. М.: Академический проект, 2013. 277 с. (Философские технологии).

References (transliteration):

1. Batai Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya / Per. s fr. Sost. S.N. Zenkin. M.: Ladamir, 2006. 742 s.: il.
2. Berdyayev N. Smysl tvorchestva. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010. 414 s. (Filosofiya. Psikhologiya)
3. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya: ucheb. posobie. 3-e izd., ster. M.: Omega-L, 2012. 607 s.
4. Gurevich P. S. Filosofiya kul'tury. M.: Nauka, 1994. 453 s.
5. K'erkegor S. Ponyatie strakha / Per. s dat. N.V. Isaevoi, S.A. Isaeva. M.: Akademicheskii Proekt, 2012. 217 s.
6. Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya / Per. s angl., nem., fr. Sost. i obshch. red. A.N. Krasnikova. M.: Kanon+, 1998. 432 s.
7. Nitshe F. Po tu storonu dobra i zla / Per. s nem. Yu. Antonovskogo, E. Sokolovoi. SPb.: Azbuka-Attikus, 2013. 544 s.
8. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / Avt. vstup. st. P.S. Gurevich. M.: Respublika, 1994. 447 s.: il. (Mysliteli XX veka)
9. Khaidegger M. Chto takoe metafizika? / Per. s nem. V.V. Bibikhina. 2-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2013. 277 s. (Filosofskie tekhnologii)